

Ольгана Марцова

Дедовские
страсти

Ольяна Чарцова

Дедовские страсти

«Издательские решения»

Чарцова О.

Дедовские страсти / О. Чарцова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966778-6

Молодые люди из благополучных семейств вступают в тайный брак. Что это? Внезапно нахлынувшая всепоглощающая страсть или вечная любовь? Действие происходит в российском поместье в середине XIX века. Блестящий офицер Андрей Мордас прибывает в Дедово на побывку к бабушке и встречает там юную Софию Страстнову, проживающую в соседнем имении. Эта роковая встреча завяжет цепочку событий, которым дано будет изменить ход судеб.

ISBN 978-5-44-966778-6

© Чарцова О.
© Издательские решения

Содержание

1923 г. Матушка Амвросия	6
1850 г. Счастливое семейство	7
Родные пенаты	10
Пасторальное свидание	13
Пес огненный	15
Встреча на охоте	16
Оранжерейные разговоры	18
Спозаранку на рыбалку	21
В ожидании сватов	23
Рыбаки на берегу пруда	25
На круче. Смутные предчувствия	27
Нечаянная встреча	28
Морской бой	29
Явление жениха	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дедовские страсти

Ольяна Чарцова

Благодарности:

Ольга Николаевна Терехова

© Ольяна Чарцова, 2019

ISBN 978-5-4496-6778-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1923 г. Матушка Амвросия

Высокий берег. Одинокaя сосна. Пронизывающий ветер. Над рекой бредет, опираясь на клюку, согбенная старушка в монашеском платье. Следом – юный красноармеец в шинели на вырост: тонкая шея торчит из воротника грубого сукна, красные руки с цыпками судорожно сжимают штыковое ружье – видно даденное тоже на вырост. Ворона и воробушек.

Монахиня приостановилась, приложив руку к груди. Глянула на парнишку. Лицо ведьмы: кожа – скомканная пергаментная бумага, тонкий крючковатый нос, а глаза – темно-серые, цвета грозового осеннего неба и такие же бездонные.

– Подожди, сынок. Дай передохнуть!

– Не велено!

– Ты на смерть меня ведешь? Грех это, большой грех!

Мальчонка дернулся и взвизгнул петушиным голосом:

– Бога нет! И греха никакого нет! Иди, давай, проклятая старуха!

Игуменья, пошарив в складках платья, достала ладанку, сверкнувшую на солнце, пробившемся лучиком сквозь нависшие тучи, и протянула ее красноармейцу. В ссохшейся курьей лапке бабы-яги лежало сокровище, расшитое бисером, блистающее рубиновыми каплями крови и осколками горнего неба.

– Возьми, сбереги, да отпущены будут грехи твои!

– Не надо мне ничего! Иди уже! – Внезапно басом, наставив ружье.

Матушка, по-птичьи склонив голову, и протягивая ладанку, неловко разворачивается. Ее клюка попадает в сплетение корней одинокой сосны, старушка спотыкается, нелепо взмахивает рукой, и черной птицей с перебитым крылом летит с крутого берега прямо в воду.

Ладанка, выскользнувшая из руки, описав дугу, искоркой падает к ногам отрока.

На глади реки темнеют распластанные крылья одеяния матушки Амвросии, постепенно набухая, затягивают ее в глубину вод.

Пузырьки воздуха, смутное сплетение покачивающихся водорослей, ребристый песок на дне.

– Андрей! Господи, спаси!

А на берегу мечется маленький воробушек с большим ружьем. Замер, всматриваясь в мутный омут. Ничего не видать. Звенит тишина. Оглянувшись пугливо и, перекрестившись, подобрал сверкающий мешочек. Скок-поскок. Убежал.

1850 г. Счастливое семейство

Бывали ли вы в провинции? Не путником, окидывающим на ходу восторженным взглядом тучные поля и пролетающие мимо березовые околки. А так, чтобы выехать на все лето в глушь, в деревню, где есть лес, речка, незатейливые местные развлечения, вечерние посиделки за самоваром. День изо дня одно и то же: время течет неспешно, завораживающе бесконечно. И никакой связи со столичным, вечно озабоченным и куда-то спешащим миром. Весть, прилетевшая из города, становится событием мирового масштаба, а неизвестный человек, появившийся на горизонте, обещает необычайные впечатления. Впрочем, люди, обитающие в провинции, ничем не отличаются от нас, столичных штучек. Также любят и радуются, предаются и жертвуют собой. Пожалуй, они поближе к земле будут, поскольку на земле этой живут и питаются ее плодами. Да еще одолевает русского провинциала неистребимая тяга: «В Москву! В Москву!».

«Аннушка! Софьюшка! Сергей! Собирайтесь! Мы едем в Москву!» – Граф Алексей Иванович Страстнов, дородный русский барин в шлафроке и бакенбардах, метался по гостиной вприпрыжку как мальчишка, сжимая в руках журнал «Отечественные записки».

– Какая Москва? В разгар лета! Да у нас и денег нет, оброк еще не собрали! – из столовой выплыла супруга его Анна Леопольдовна, пышнотелая блондинка, похожая на белую аккуратную курочку хохлатку.

– Аннушка! Мое стихотворение напечатали! Вот! Смотри!

Алексей Иванович судорожно начал перелистывать страницы, затем кинулся искать очки.

– Нашел! Вот! «Послание к Киприде». И подпись: Граф С-ов. Граф С-ов – это я! Не обманул-таки Смирдин. Напечатал, как обещал.

На этих словах в дверях объявилась дочь Алексея Ивановича София, хрупкая светловолосая барышня шестнадцати годов и, увидев отца, величественно стоящего посреди гостиной с воздетой к небу рукой, зажимающей заветный журнал, в восторге захлопала в ладоши.

– Папенька, ты у нас теперь Пушкин! А за какой надобностью всем в Москву ехать?

– А за той надобностью, что не пристало нам теперь в деревне прозябать. Прославил-таки я имя Страстных в пиитическом мире.

София глянула на маменьку и та решительно перешла в наступление.

– Алексей Иванович, у Софьюшки первый сезон в Петербурге. К осени освобождается наш дом на Миллионной. Если сейчас в Москву ехать, где мы будем жить? Глупая затея.

Алексей Иванович сник, подумалось ему, что не ценят и не понимают его в этом доме. Но тут милая его душе старшая дочь София, отвлекла внимание от горестных мыслей, в которые он совсем было погрузился.

– Папенька, а с сегодняшней почтой письма были?

– Письма? Да. Помнишь соседа нашего, Александра Сергеевича? Так он, как вернулся из-за границы, вздумал оперу написать по неоконченному произведению тезки своего Александреича Пушкина «Русалка». Помнишь?

– Да, папенька.

И София, встав в театральную позу, взялась декламировать загробным голосом:

«Веселой толпою
С глубокого дна
Мы ночью всплываем,
Нас греет луна...»

Следует сказать, что старшая дочь Страстных, девица живая и затейливая, обожала всяческие шарады и декламации. Но Анна Леопольдовна отчего-то сильно встревожилась, захлопотала, стала Софьюшку увещевать, что, мол, будет баловаться и утопленницу все поминать, взялась жаловаться Алексею Иванычу, что зря он дочку к книжкам приохотил, ей замуж надо готовиться, рукоделие, варенье, платьев парижских пошить к сезону.

А у Софии перед глазами: *водоросли, колышущиеся в мутной воде, луч солнечного света, пронизывающий зеленоватую толищу, плавно опускающаяся на песчаное дно детская кружевная туфелька, и комариным писком давит на уши тяжкая сила, переходящая в барабанный бой.*

Увидев, что доченька ее побледнела и замерла, Анна Леопольдовна закудаhtала, суетливо поправляя новую шантильку, доставленную из Бельгии и все время сползающую на плечи.

– Что, Софьюшка, опять нахлынуло? Деточка моя, если ты будешь все время за книжками сидеть, то плохо кончишь, как кузина моя Лизанька. Она вон тоже все училась, это ж надо, одиннадцать языков знала, стихи сочиняла! Вот чахотка ее и настигла. Барышням книжки читать вредно.

– Ах, Аннушка, все-то ты путаешь! – беззаботно отмахнулся Алексей Иванович, уже витающий в эмпиреях на Парнасе. – Лизанька, кузина твоя, девица качеств необыкновенных, и быть бы ей первейшим пиитом в России, кабы не промокла в двадцать четвертом году, попав под наводнение, да не слегла. А учение тут ни при чем. Я всенепременно повесть напишу про твою удивительную кухню, через нее нас свела судьба, помнишь?

Алексей Иванович церемонно поцеловал руку Анны Леопольдовны, и подвел к окну. София тут же устремилась за родителями. Объяснение тому было самое простое. Подле окна стоял девичий столик для рукоделия. Фигурный, с резными ножками, с множеством отделений для булавок, иголок и лент, папенька заказал его из Франции к Софьюшкиным именинам. Выдвижная полка, достаточная для того, чтоб там поместилась раскрытая книга или журнал, была невероятно удобна: можно было читать, прикрывшись вышиванием. Бочком протиснувшись к окну и задвинув полку с романом Ричардсона, вглубь от родительских глаз, барышня указала за окно и воскликнула: «Взгляните на дорогу!»

Из гостиной открывался великолепная панорама: ровной желтой лентой тянулся московский тракт, за которым зеленели засеянные поля, по другую сторону дороги расположилось имение Дедово, принадлежащее ныне Страстным. Аккуратная каменная церковь с затейливыми волутами в стиле барокко являлась неммым свидетельством заслуг прежних хозяев перед Отечеством и самим Петром Великим. А совсем вдалеке виднелись въездные ворота, состоящие из двух зубчатых башен красного кирпича с нишами для караульных, перегороженные полосатым шлагбаумом. Впрочем, у шлагбаума никто не дежурил – заросли терновника, заполнившие округу, преграждали путь, получше любого рва.

По московскому тракту мчался всадник на гнедом коне. Счастливое семейство неотрывно наблюдало за движущейся вдали точкой. Вот оно, событие! Интересно, куда он едет? Повернул направо к охотничьему домику! Остановился у въездных ворот. Наверное, он увидел шлагбаум перекрывающий путь.

– Аннушка, ты опять велела замок на ворота повесить? Ведь старой княгине надо иногда из дому выезжать. Она через заросли не проберется. – Алексей Иванович укоризненно покачал головой.

Анна Леопольдовна дернула плечиком и сквозь губу презрительно процедила:

– И нечего ей ездить, пусть сидит в своем охотничьем домике! Намедни опять в дворянском собрании разглагольствовала, что это якобы ее поместье и что она нас всех выселит и по миру пустит. Каторжница! А еще княгиня! Ворота наши: хочу – открою, хочу – закрою и никого не пущу!

Тем временем всадник спешился, подошел к воротам, потрогал замок, висящий на полосатом шлагбауме.

– Маменька, ну как он проедет через терновник? Ах, смотрите! – вскричала София.

Всадник, уже вскочивший на коня, успел отъехать на несколько шагов, затем поддав шпор, легко перемахнул через шлагбаум и умчался вглубь по дубовой аллее к дому княгини Ордаевской.

– Интересно, кто это мог быть?

– Наверно нарочный к старой княгине. Ответ на очередную кляузу доставляет.

Родные пенаты

Но это был не нарочный к княгине. В уланской куртке синего сукна с алым нагрудником, прищипывая холеного гнедого коня, мчался по дубовой аллее по направлению к охотничьему домику Андрей Мордас – единственный внук и наследник княгини Марии Федоровны Ордаевской.

Имея славный титул и богатейшее родословие, старая княгиня жила уединенно в маленьком домишке, на окраине своей бывшей усадьбы, и тому была причина. Супруг ее, князь Ордаевский, герой войны 1812 года, был осужден в 1926-м году на 20 лет каторжных работ в Сибири с лишением дворянских прав и княжеского титула. Именье Дедово конфисковали в казну, но в силу какого-то юридического казуса княгине Марии Федоровне остался в принадлежности охотничий домик с небольшим участком и десятком крепостных, причем все Дедовские крестьяне продолжали почитать ее своей барыней, и проживала сия барыня беспрепятственно в своем имении, числящемся в государственной казне. Княгиня деятельно хлопотала о смягчении участи своего супруга, о поездке к нему в Сибирь, но самое главное – о возврате имения Дедово и княжеского титула. На ее просьбы всегда был ответ отрицательный, но Мария Федоровна самоотверженно отстаивала честь семьи и рода. Но в 1839-м году как гром среди ясного неба грянул указ – передать имение Дедово со всеми прилегающими территориями и крестьянами Статскому советнику графу Алексею Ивановичу Страстнову за особые заслуги перед Отечеством. Таким образом, княгиня Мария Федоровна Ордаевская, в девичестве Шармьева, оказалась в пленниках у какого-то безродного графа, так как выезд из ее домика на московский тракт проходил через уголья, принадлежащие теперь Страстновым. Это было совершенно невыносимо! И старая княгиня организовала в губернии диспозицию, полагающую полное неприятие новоселов губернским обществом. Борьба шла с переменным успехом, но Мария Федоровна не сдавалась.

Отрадой ее души был внук Андрей, сын единственной дочери, ради которого княгиня, собственно и организовывала все эти эскапады. По правилам наследования дворянства лишь он мог претендовать на титул и имение, которое было по тем меркам не маленькое – около 500 душ, с мельницей, хорошим корабельным лесом, кирпичной фабрикой и конным заводом. Все это теперь принадлежало «варварам Страстновым», которые, особо не заботясь, драли с крестьян три шкуры, появляясь в Дедове только на летний сезон.

И вот Андрей Вильгельмович Мордас блестящий обер-офицер Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, изрядный бузотёр и повеса, наконец-то приехал на вакации к любимой бабушке. Привело его к этому весьма неприятное происшествие. Но об этом после. А сейчас, перемахнув через шлагбаум, он летел во весь дух по дубовой аллее в свое безоблачное деревенское детство. Вид охотничьего домика, выстроенного в виде уменьшенной копии старинного замка, вызвал в нем сладостные воспоминания, и заставил на миг забыть доуку, гнавшую его из Петербурга. В конце прямой как стрела дубовой аллеи виднелся небольшой аккуратный домик красного кирпича с зубчатой башенкой-мансардой, и стрельчатыми окнами в кованых переплетах. Не доставало только рва и подвесного моста. Мальчиком Андрей в этом домике играл, воображая себя рыцарем, одолевающим полчища врагов, и спасающим прекрасную деву озера Вивианию. Но подъехав ближе, наш доблестный воин поразился, каким крохотным был этот оплот княжеской чести, особенно на фоне разросшихся за десять лет ветвистых дубов. Перехватило дыхание от волнения при виде заросшего плющом фасада и повывалившихся местами кирпичей, проржавевших решеток, и льва с отбитой лапой, охраняющего вход. Из-за дома высыпала дворня, кинулась кланяться с изъявлениями радости. Андрей, отдав коня, взбежал на крыльцо.

За тяжелой дубовой дверью через полумрак прихожей – пахло старыми шубами и нетопленной печью, вперед – в гостиную, до боли знакомую и уютную. Все те же ампирные кресла и диваны, бабушкино бюро, портреты в тяжелых рамах и конечно, старинная астролябия, принадлежащая когда-то самому Петру Великому. И запах лаванды, незримым облаком окутывающий княгиню Марию Федоровну Ордаевскую, седовласую блондинку, тотчас вошедшую в гостиную. Одета в мантилью, прикрывающую древнее платье эпохи ампир, она подняла свои прозрачные голубые глаза на внука и протянула ему руку. Аристократическая выправка, и гордая посадка головы – все, что осталось от бывшего величия.

– Князь! Мы не ждали Вас так рано!

– Потомственный дворянин Андрей Мордас, покамест! – Андрей прицелкнул каблуками и склонился к руке. – Спешил припасть к Вашим ногам. Степан позади с обозом тащится.

– Да что я! Ты ж оголодал, поди, в Петербурге-то! – Княгиня кликнула за дверь. – Ариша! Ставь самовар!

– А пироги будут? Дедовские, с визигой?

– Непременно, Родионовна уж в печь поставила. А ты, умойся пока с дороги, помнишь где?

Андрей отправился на задний двор, наслаждаясь давно забытым чувством возвращения к родным пенатам. И хибарки дворовых, и старая конюшня, и поросшая сорной травой земля, и курицы, вылетающие из под ног – все было такое знакомое, и невыразимо щемящее. На крик петуха кратко ржанул Орлик, которого уже отправили в стойло. И было похоже, что он тоже рад возвращению в места, где родился и возмужал. «Я дома! – подумал Андрей. – И здесь меня не настигнут!»

За обедом княгиня радостно хлопотала и говорила, говорила. О том, как тяжело ей приходится выносить притеснения этой деревенщины немецкой Анны Леопольдовны, вот опять дорогу к дому перекрыла. Но справедливость восторжествует, землю и дом непременно вернут, она уже нашла в Петербурге стряпчего, который готов взяться за это дело. Что последнее письмо Государю она составила по всей форме и непременно, непременно Государь велит вернуть титул княжеский в фамилию Ордаевских. Андрей витал в сытой полудреме, лишь изредка кивая.

На улице залаяла собака, слышались крики, хлопотанье и в столовую заглянул Степан, отставной солдат, денщик Андрея, приехавший с багажом на почтовых.

– Степан, что-то ты долго до родной стороны добирался. Аль к зазнобе какой заглянул? – благодушно попенял Андрей, он и сам был не прочь прогуляться до деревни, полюбезничать с местными красавицами.

– Так ворота на замке, пришлось круг дать.

Степан мечтал, как он героем вернется в родное Дедово, но никого из прежних жителей не встретил, все были в поле, да и избышка отцова развалилась совсем, как старики померли. Почти двадцать лет прошло с той поры, как ушел он с родного порога служить в солдаты.

Степан помялся, сжимая в руках запечатанный конверт:

– Вот, с почтовыми передали.

– Дай сюда! – голос Андрея неожиданно дрогнул, он протянул руку, взять посылку и подумал: «Нашли таки, шельмы!»

Степан, снедаемый тревогой, протянул письмо барину, но тут вмешалась княгиня, взглянув грозно на внука, потребовала письмо. Нетерпеливо взломав печать, Мария Федоровна от волнения надорвала конверт вместе с вложенной бумагой. Буквы расплывались перед глазами.

– Grand maman, позвольте я прочту!

– Нет, нет, это мне письмо, не тебе, видишь, подпись: император всероссийский Николай. Это ответ на прошение! – княгиня подошла к окну, отодвинула бумагу подальше, чтоб лучше видеть и начала торжественно читать, – Именем государя императора...

Вдруг княгиня отбросила бумагу и в раздражении стукнула кулаком по подоконнику. Письмо спланировало к ногам Степана, который тут же нагнулся поднять его.

– Степан, пошел вон! – рявкнула барыня. Денщик, кланяясь, передал письмо Андрею и исчез. – В восстановлении княжеского титула отказать! Это что ж такое!

– Фуух! – выдохнул Андрей, письмо не касалось его тайных дел, – это беда поправимая, я на военной службе состою, вернем честь имени дворянским путем а не по сутяжному ведомству.

– Дед твой был истинный дворянин, герой войны, но вот попутал нечистый, связался с карборнариями! – Старая княгиня в отчаянии постучала кулаком по подоконнику, подумала, хорошо бы разбить вдребезги какую-нибудь вазу, но щербатых не осталось, а целых было жаль, в ее положении..., но тут новая идея заняла ее деятельную натуру. – Надо добиваться присвоения титула и фамилии Ордаевских для тебя ввиду отсутствия наследников фамилии мужеского пола. Будешь Его светлость, Князь Мордас-Ордаевский!

И княгиня Мария Федоровна затребовала чернил, бумагу и принялась сочинять новое прошение на имя государя. Андрей же с ружьем отправился прогуляться по окрестностям, освежить воспоминания о беспечных временах.

Пасторальное свидание

Дремучий лес начинался от охотничьего домика-замка, нынешнего жилища Ордаевских: пойдешь по тропинке налево – выйдешь к великолепному особняку с колоннами античного ордера, направо пойдешь – деревенька Дедово встретит тебя мычанием коров, бредущих с пастбища. И вся эта красота: особняк с пристройками, лес, деревня и тучные поля – принадлежало нынче семейству Страстных, как, впрочем, и люди.

Итак, углубимся в лесную чащу. Что там видать?

Меж многовековых деревьев мелькнул алый сарафан, пропал за ветвями, высверкнул вновь. То Страстная девушка Любаша бегом бежала через лес. Ее месяц как взяли в господский дом на работу в оранжереи, и она улизнула на часок, весточку передать своим в деревню. Лес был испещрен паутиной тропинок, и в глубине его, на пересечении всех дорог могучим мизгирем возвышался древний дуб. На полянке под дубом маялся, не находя себе места чернявый богатырь. Любаша, выглянув из кустов и узнав ненаглядного своего, рванула навстречу.

– Ванюша!

– Любаша!

– Я ждала Арсенька придет. Котомочку вот своим собрала. Там сахарку, пирожны от барского ужина, братишке полакомиться, – Любаша говорила торопливо, будто порываясь бежать.

– А я как узнал, что ты у дуба будешь, так и спохватился, хоть одним глазком... Люба моя!

Иван широко раскинул руки, и Любаша припала к нему на грудь.

– Каково тебе у бар живется? Сильно притесняют? – заботливо обнимая свою зазнобу спросил Иван.

– Да хорошо! Кормят аж три раза за день, отдельный тюфяк выделили в каморке под лестницей... Ой! – Иван, стиснул Любашу так, что кости затрещали.

– Каморку?! – гневно воскликнул он, – и барин-то поди уж к тебе наведася! Сарафан новый подарил за что?

Любаша оттолкнула своего ревнивого дружка, она совсем его не боялась.

– Задушишь, медведь! Наш барин не такой, да он и старый совсем! А платье баское всем дворовым пошили, парням рубахи рудые, а девкам – сарафаны. Мне еще рубаху дали беленого холста. Смотри, какая красота! – и Любаша закружилась по полянке – алый сарафанчик колокольчиком, пшеничная коса вразлет, из-под юбки промелькивают розовые пяточки, нежные, как у ребенка.

Ивану показалась она райской птицей иноземной, не узнавал он свою родную Любашу, не ведал с какого боку к ней подступиться, а так хотелось... А она все говорила, говорила про то, что в доме полы-то все вощеные, а мебели, мебели то какие: с вензелями!

– Меня в ранжарею определили, барыня Анна Липольдовна дюже цветы разводить любит, а я ей помогаю. Это как на огороде на грядках работать, только в тепле в чистоте и дождик не мочит, потому как крыша из стекла и стены все застеклены, все насквозь видно! Красота! Вот бы тебя к нам! Надобно с нянюшкой поговорить, она заправляет среди дворовых, намекнула бы барыне, чтоб пристроить тебя куда.

– Да мне и в деревне хорошо. – Иван успокоился и обнял по-хозяйски свою Любашу. – Земли много, хлеба хватит и на оброк и на зиму, избу к осени дострою. Возвращайся, свадебку сыграем!

– Кто меня пустит, мы ж подневольные!

– А я у барина испрошу позволения жениться на тебе.

– Не-а, барыня откажет, я у ней первая помощница по ранжарейному делу, меня цветы любят. – Любаша только вошла во вкус новой жизни, такой отличной от однообразного тяжкого крестьянского обыкновения.

– Воля твоя. – Иван резко развернулся и пошел в лес.

– Ванюш, а котомку-то моим передать? – Любаша, маленькая, юркая как ртуть, мигом подхватив узелок, встала поперек дороги, напирая грудью Ивану чуть повыше живота, сверкнула карими очами, неожиданными на белокожем лице, обрамленном выгоревшими соломенными кудряшками, выбивающимися из туго заплетенной девичьей косы.

Иван глянул на раскрывшийся ворот рубахи, угадываемое за ним белое тело, полновесную грудь, ямочки на щеках – и пропал! Обнял свою шаловливую подругу и кинулся целовать в зазорные ямочки, еще и еще. Душой чувствовал, что не следует, что аукнется ему эта встреча большими бедами, но не мог остановиться. Любаша радостно смеялась. Звонким серебряным колокольчиком отдавалось эхо. Сердце парня ухнуло вниз, и тут раздался выстрел, искры посыпались из глаз, что-то сбило с ног. Иван, крепко обнимавший Любашу, увлек ее за собой вниз, и они одним большим кулем повалились на траву.

Пес огненный

Мрак, искры, и ...тяжелое смердящее дыханье. Иван очнулся и увидел клыки, разверстую пасть, огненный язык. Душа ушла в пятки. «Как тяжело! Сердце давит! Изыди сатана!» Иван мотнул головой, неожиданно легко скинул гнетущую тяжесть и провалился в небытие. Где-то глухо зарычала, взлаивая, большая собака.

Любашу не так легко было застать врасплох. Она шариком скатилась с Ивана, который, падая, потянул ее на себя, и, вскочив на корточки, увидела перед собой большого рыжего пса, с оскаленной пастью. Взъярившись из-за прерванного поцелуя, девица взмахнула рукой, в которой крепко сжимала драгоценный узелок и крикнула: «Пошла отсюда!» Собака отпрянула, зарычав.

Иван пошевелился и вновь открыл глаза. «Живой!» – вскричала Любаша. «Живо-о-о-ой!» – бухающим колоколом отдалось в голове. Иван попытался подняться. Собака зашла с другой стороны и, оскалившись, приготовилась наброситься на очумевшего парня. Он испугался как в детстве, закрыл лицо руками в попытке спрятаться, свернувшись в клубочек. Но разве спрячешься на голой поляне, если ты лежишь на траве и не можешь поднять головы?

Любаша отважно ринулась на защиту любимого, и заметила в головах его какую-то серую кучку. То был подстреленный селезень. Схватив мертвую птицу, геройская девица зашвырнула ее далеко, как смогла. Описав дугу, тушка грохнулась в колючие кусты малины на краю поляны. Собака с заливистым лаем умчалась за добычей. А девушка склонилась над поверженным любимым, пытаясь привести его в чувство.

– Ванюша! Ванюша!

– А? Что? – Иван сел на траве, держась за голову.

– Тебе селезень подстреленный на голову упал. Видно, кто-то в наших лесах пошаливает.

Люба помогла Ивану встать. Они представляли комическое зрелище: миниатюрная куколка в красном сарафанчике и повисший на ней гигант цыганской наружности, похожий на чудище неведомое, страшное и беспомощное одновременно.

– А пес огненный?

– Да то собака лягавая, слышь, лает, охотника зовет, добычу кажет.

– Люба моя! – Иван кинулся обнимать свою милую, – спасительница моя!

Встреча на охоте

В этот момент собака затихла. Андрей (а это была его охота), наконец-то нашедший свою добычу, глянул из-за кустов на поляну. Видно было неважно, но происходило там нечто непонятное. Здоровый парень сгреб в охапку маленькую девочку в красном сарафанчике, желая унести подальше в лес. Девочка вырывалась, колотила кулачками ему в грудь, сучила ножками, выкрикивая истошным голосом: «Пусти! Охальник! Пусти!». Андрей, возмущившись разбойным нападением, ломанулся через колючие кусты шиповника и влетел на поляну. За ним – верный пес.

– А ну пусти девчонку!

Охальник развел руки от удивления, и девица соскользнула на землю. Она оказалась прехорошенькой, фигуристой, в самом соку. Сам бы сгреб ее в охапку да унес в дальние дали!

– Ты что это творишь, разбойник?

– Виноват, барин, виноват.

Парень начал суетливо мелко кланяться. Тут рыкнула собака, обнажив клыки. Девушка вдруг выступила вперед.

– Барин, убрал бы ты пса от греха подальше – неровен час, порвет.

– Он тебя обидел?

– Да не, я собак не боюсь...

Андрей посмотрел через голову девушки на парня, который бочком стоял, спрятавшись за дуб, и взглядывал на злобную псину.

– А Ваню мальчонкой собака сильно порвала, так он и опасается, – девушка была заметно смелее парня.

– Так Ваня этот, – Андрей кивнул в сторону дуба, – не нападал на тебя?

– Да не, баловались мы, а вы что, барин, удумали? – лукаво взглянула девица, поправляя сбившийся платок.

– А я думал, этот грозный герой хотел в лес тебя умыкнуть и непотребство какое совершить, теперь вижу – ошибся! Прости красавица. Ты чьих будешь? И как зовут?

– Любаша я, Страстновская. Меня недавно господа в дом взяли. А Ванюша – Дедовский.

Андрей мельком глянул на трусоватого деревенщину, который кланялся, выйдя из-за дерева. Много интереснее ему была девушка – кареглазая, щечки румяные, как яблочки, и не по-крестьянски белокожая с толстой соломенной косой, которую она, поправляя, перекинула на грудь.

– Давай-ка я провожу тебя до дому, чтоб никто в лесу на тебя не напал, – сказал Андрей, любуясь красной девицей.

– Да мне этот лес, как дом родной, я здесь каждую травинку знаю! Кто ж на меня нападет?

Иван выдвинулся поближе к Любаше, порываясь что-то сказать. Пес предупредительно рыкнул.

– Да вот этот, хотя бы, собачий царь! – Андрей указал на Ивана.

Любаша звонко рассмеялась. Подбежала к Ивану, сунула ему оброненную котомку и погладила по плечу.

– Ванюш, мне возвращаться пора, а то хватятся. Гостинец передашь?

Иван хотел было ответить, но не нашел, что сказать, только мотнул головой и стоял столбом, прижимая котомку к груди. А Любаша обернулась к новому знакомцу и, заливисто посмеиваясь, взглянула лукаво и задорно.

– А вы, барин, откуда будете?

– Из охотничьего домика, знаешь такой?

Любаша направилась к тропинке в сторону господского дома, барин подозвал собаку и двинул вослед мелькающим из-под красного подола розовым пяточкам, восхищаясь игривой, как ртуть, и аппетитной, как свежая булочка, деревенской красавицей, взрослой в сих девственных лесах.

Ивану, застывшему под сенью многовекового дуба показалось вдруг, что видит он будущее свое, и нет в нем Любушки, что вот сей час с улыбкой уходит от него суженая. И это навсегда.

Оранжевые разговоры

«Нянюшка! Любашка где? Куда все заподевались?!» – Анна Леопольдовна была крайне недовольна, зайдя в оранжерею и обнаружив сухой лист на земле под драгоценным померанцевым деревом. Анна Леопольдовна, женщина немецких кровей, очень любила порядок во всем, но в этой семье, порядка не было никогда, и ни в чем. Точнее, она боялась беспорядка, но, как известно, чего страшишься, то и поимеешь. Очень она беспокоилась, что муж увлечется чем-нибудь, потеряв голову, он и увлекся, но не картами, не скачками, и даже не девицами, что было бы вполне пристойно благородному барину, а, смешно сказать, бумагомаранием! Занятие, недостойное их фамилии! Софьюшке пора замуж, барышня на выданье, а он ей голову пустыми идеями забивает, да книжки дает читать. Только Серёженька, младшенький радуется: все у него по порядку, по ранжиру: живет по расписанию, холодной водой обливается каждое утро, по новомодной методике доктора Гуфеланда. Хотя, может быть, слишком он увлекается порядком? Не дай бог на вершок сдвинуть стул в его комнате! Сразу скандал! Последние слова Анна Леопольдовна произнесла вслух, стоя в оранжерее и подняв взор своих мутновато-голубых немецких глаз к стеклянному потолку.

– Какой скандал? Нет никакого скандала, у нас все тихо-мирно! – раздался ворчливый голос.

– Фу напугала! Как ты подкралась незаметно!

Это нянюшка, правая рука и главная советчица Анны Леопольдовны выросла перед ней как из-под земли.

– Вон видишь померанец лист теряет, мне его из Франции доставили, а он лист теряет, – Анна Леопольдовна чуть не плакала. – Говорят «плод любви».

– Ничего вот Любаша его польет, пошепчет и оживет ваш памиран, у Любаши руки золотые, ее каждая травинка любит. – Нянюшка как никто умела успокоить барыню.

Но тут мысли Анны Леопольдовны скакнули в совершенно невообразимом направлении.

– Сережа наш вошел уже в возраст. Пятнадцать лет минуло. Ему бы уже пора на барышень заглядываться. Все кораблики свои строит, да сабелькой игрушечной машет. Уж не болен ли он, не дай Бог! Надо бы ему какую из девиц дворовых, из опытных, проверить.

– Всему свое время, – нянюшка лукаво глянула на зардевшуюся барыню и беспечно махнула рукой. – Нонче кораблики строит, а завтра, смотри-ко, уж сам нашед, кого оприходовать! Девоч мы в этом годе дедовских набрали ядреных: одна к одной!

– Ну, я на тебя полагаюсь всецело в этом вопросе. Пойду, Алексей Иваныча проведаю, как он там после моциону, не устал ли? На обед распорядись пулярку подать да расстегаи... А Любашку то найди, да пошли к померанцу, чтоб не отходила от него ни на шаг.

Нянюшка неспешно пошла на кухню, где она была хозяйкой. Несмотря на деревенское происхождение и крепостное состояние, благодаря своему твердому характеру и крепкому кулаку, нянюшка занимала главенствующее положение не только среди дворни, но и вообще в доме. И Анна Леопольдовна и Алексей Иванович в хозяйственных делах всецело полагались на нее, зная, что ежели Наина Егоровна за что берется – будет все проведено по высшему разряду. Ну а Софьюшка и Серёженька, с молодых лет подрастающие под ее неусыпным присмотром почитали ее за вторую мать.

На кухне во всю уже кипела работа: жарили, парили, рубили. Нянюшка по ходу дала подзатыльник пробегающему дворовому мальчонке, чтоб не путался под ногами, и отправила его в курятник за яйцами. Тут в дверях нарисовалась Любаша, раздумывавшаяся, запыхавшаяся. Нянюшка спешно отправила ее в оранжерею, барыня, мол, гневается, и наскоро распорядившись на кухне, пошла заглянуть к Любаше, уж очень любопытно, где она столько пропадала.

Зайдя в оранжерею, первым делом дала девке выволочку за опоздание: Нянюшка схватила голичок, стоящий у порога, и ну охаживать Любашу чуть пониже спины! Любаша увертывалась, хохоча, было не больно, так как нянюшка все больше мимо попадала. На шум в оранжерею заглянула София, поинтересовавшись, что происходит в обычно столь тихом уголке сада? Нянюшка гонялась меж грядок за Любашей, и ругалась:

– Ах ты, негодница! Отпросилась на часок в деревню сбегать, а сама с Ванькой встречалась!

– Да я не намеренно, он мне в лесу навстречу попался. Я с ним гостинец и передала. Ну, помиловались, конечно! – Любаша спряталась за померанцевое деревцо.

– Ты смотри, милуйся, да не балуй! – Нянюшка притомилась, и присела на красивую чугунную скамейку, аж из Англии привезенную. – Замуж должна честной девушкой пойти! Да пойдешь, за кого скажут, а не за того, кто мил!

– Да уж мы люди подневольные. – Любаша притворно вздохнула, стрельнув глазами в потолок, лукаво усмехнулась, весь вид ее говорил: «Учи, учи меня! Ты бабка старая ничего не понимаешь, а все равно по-моему будет, как я хочу!»

Тут вмешалась София, услышавшая конец разговора:

– Нянюшка, ну почему так несправедливо жизнь устроена, почему замуж нужно идти за того, кого выберут, а не за того кто по сердцу мил!

– Потому что мы женщины своим умом жить не можем, а токма мужниным. А уж тебе родители подберут самого что ни на есть подходящего: и по званию, и по положению, и по богатству. А ты его будешь почитать и слушаться.

– А любить? Любить я его буду?

– Стерпится – слюбится!

– Нет, я так не согласна, я замуж не пойду, и не уговаривайте! Я должна сначала полюбить того человека, с которым я всю жизнь буду жить! – София мечтательно направила взор к небу – сквозь стеклянную крышу оранжереи рассыпались солнечные зайчики и сверкали в листве деревьев и кустов.

– Ничаго, вот поедете по осени в город, там на бале подойдет к тебе какой-нибудь красавец енерал: иполеты, усы нафабранные; каблучком как щелкнет, как бровью поведет...

И нянюшка вскочила со скамейки, по-молодцовски закрутила воображаемые усы, подхватила Софию за талию и повела за кавалера в туре вальса.

– Как он тебя к груди-то своей прижмет, – и нянюшка придвинула Софию к своему обширному бюсту, – да как начнет нашептывать ласковы слова, и будешь ты вся его, влюбишься без памяти. А родители тут как тут – сговорятся, да честным мирком, да за свадебку.

София вырвалась, оттолкнув нянюшку, звонко выкрикнула в запальчивости, топнув ножкой.

– Меня папенька в Петербург везет в институт благородных девиц определять! Учиться буду!

– Ты и так книжки целыми днями читаешь! Куда еще учиться! Это Сереженьке надо в школу, ему по военной или по государственной службе определяться пора.

– А может, я тоже по государственной службе пойду!

– Куда – куда? Кака така у женщин может быть государева служба?

– Фрейлиной к императрице или академией наук заведовать как княгиня Дашкова. Женщины тоже должны служить на благо Отечества!

– Чего ты удумала, Софьюшка! Академия! На благо обществу! Твоя служба – супругу угождать, а уж он пусть послужит! Ты б лучше малинишно варенье научилась правильно варить. Оно по жизни более сгодится!

Любаша, обрадовавшись, что про нее забыли, взялась рыхлить землю возле померанцевого дерева, на котором сияли оранжево-красные плоды. Но нянюшка тут же опомнилась – она должна всем заправлять на хозяйстве:

– Любашка! Барыня сказала, что с памирана лист упал! Смотри хорошенько за ним! За каждый слетевший листок сниму волосок! Если что не так, сама за косу отгаскаю!

– Да это он листья скидывает, потому что ягод много. Они все соки вытягивают, на лист не хватает. Дерево – деревом, а все как у людей: мать последний кусок хлеба отдаст, лишь бы дитятко сыто было.

Нянюшка, услышав последние слова про мать и дитя, вдруг пригорюнилась и запричитала: « Да уж я-то своего рабеночка ли не кормила! Уж молока-то было – не меряно. Сытый такой он был, гладенький, только ел и спал. А как Степушку в солдаты забрали, так и сгинул наш сыночек! А этим молоком я тебя Софьюшка выкормила!».

София разглядывала облака, видневшиеся через стеклянную крышу теплицы. Она многократно слышала эти Нянюшкины причитанья, знала, что сейчас начнется рассказ про то, что полюбила кормилица эту беленькую барышню, как свою родную дочурку, что лелеяла и холила пылинки сдувала, как она не уследила единственный раз за своей дитяткой, когда та в пруду чуть не утопла, благо прекрасный принц мимо проезжал, спас нашу красавицу, нашу королевичну. А вот теперь она выросла и скоро придет Иван Царевич на скакуне благородных кровей и увезет от нее Софьюшку в чужую сторонку! На этом месте должна была вступить София и клятвенно заверить свою любимую нянюшку, что всенепременно заберет ее с собой и позволит ей водиться с детками и никаких немецких бонн в доме не будет.

Но неожиданно вступила Любаша:

– А я сегодня в лесу молодого барина видела.

– Какого-такого барина? – встrepенулась нянюшка.

– Да старухи-княгининогo внука из охотничьего домика. Красавец! Косая сажень в плечах! – горделиво расправив плечи, Любаша продолжила. – А обходительный какой! Провожаться пошел.

Нянюшка вдруг подобралась, насторожилась, вытянулась в струнку и осторожно спросила, выдыхая перед каждым словом:

– А он один был? Али с кем?

– Собака у него была. Лохматая, большая! Иван со страху чуть на дуб не залез! – со смехом вспомнила Любаша историю с подбитой птицей.

– Так вы с Иваном на полянке у дуба встречались? Я там Степушку провожала...

Нянюшка набрала воздуха в легкие, чтоб затянуть очередное протяжное причитание про то, как она со Степушкой хороводилась, как они любили друг друга без памяти, а господа пожениться им не дали и забрали ее Степушку в солдаты, а сыночку их незаконного вскоре Господь прибрал, и осталась она одна-одинешенька...

Но тут ее прервала уже София, и эту историю слышавшая много раз.

– Нянюшка, а давай Любашу на Иване поженим! Чтоб не получилось у них как у вас со Степаном! Я папеньку уговорю, а ты маменьку уломаешь?

Любаша, никак не ожидавшая такого благоприятного исхода ее долгой отлучки, замерла тихой змейкой, боясь спугнуть неожиданную удачу.

Спозаранку на рыбалку

А в охотничьем домике бушевали страсти совсем иного рода. Княгиня, проснувшись спозаранку, почувствовала озноб во всем теле и велела Степану растопить печь. Но дров не было.

Причем, их не было уже давно. Княгиня посылала своих людей в лес неподалеку, который был когда то в собственности семьи Ордаевских. Страстновский управляющий отлавливал пойманных с поличным княжеских людей, отбирал дрова и доставлял барину на экзекуцию. Алексей Иванович, витающий в эмпиреях литературного творчества, обыкновенно отмахивался: «Делай, как знаешь». Анна Леопольдовна, напротив, возмущалась и требовала от супруга немедленно принять меры по самоуправству этой развенчанной королевы, которая кичится своим родством с Великокняжеским семейством и самим Государем, а у самой муж каторжник, и даже на дрова денег нет! И графиня Анна Леопольдовна Страстнова в очередной раз повелевала запереть замок на въездных воротах в охотничий домик, дабы неповадно было Их Светлости Княгине Ордаевской в чужих угодьях лес воровать!

– Аришка! Самовар поставь! Андрей спозаранку хотел подняться. Под сосной шишек набери! – Княгиня зябко подернула плечами и выглянула в окно.

Неподалеку от дома стояла одинокая сосна, которая исправно поставляла растопку для самовара. Мария Федоровна грешным делом почитала эту сосну за хранительницу дома сего. Будучи совсем юной девушкой, готовясь стать супругой генерал-аншефа князя Ордаевского, известнейшего героя Наполеоновских войн, осматривала она фамильное имение Дедово, в котором родилась и выросла, и которое назначалось теперь ей в приданое. И подле наново отстроенного охотничьего домика, долженствующего явиться уютным уголком для молодых влюбленных, увидела Машенька Шарметьева тоненькую юную сосенку, которая запала ей в душу настолько, что приехавши в следующий раз с молодым супругом, показала она ему эту сосенку. На что муж ее, утомленный войной сказал: «Как она на тебя похожа, радость моя! Такая же стойкая, светлая и сильная!». В тот год по весне была большая буря в уезде, и множество деревьев повалило и крыш унесло, а тоненькая сосенка стояла торжествующая на поляне среди поваленных старых коряг. Велел Князь рядышком дубок посадить, в ознаменование соединения любящих сердец, дабы всегда они были рядышком, осеняя друг друга своими ветвями. Впоследствии, когда супруга ее драгоценного в кандалы заковали, зачах молодой дубок и стоял теперь сухой остов рядышком с разлапистой мощной сосной, столь щедро одаряющей плодами, хоть и не съедобными, но вполне годными на растопку.

– Чуть свет, уж на ногах и я у ваших ног! – Андрей спустился с мансарды и шутливо припал к ручке своей любимой бабушки. Одет он был не по-господски – в простую белую рубаху и штаны, так как собирался на рыбную ловлю.

– А позавтракать?! – Княгиня кивнула в сторону накрытого стола.

Андрей взял пирожок и, пережевывая на ходу, отмахнулся.

– Недосуг! Клев закончится! – приостановился – Впрочем, вели положить пирожков, проголодаюсь на обратном пути.

– Как поохотился-то вчера? – спросила вдогонку Княгиня.

Андрей усмехнулся сардонически, вспомнив вчерашнее происшествие:

– Превосходно! Подстрелил жирного селезня, который сбил с ног дедовского мужика, но не насмерть. А еще поймал в сеть прелестную местную поселянку.

– Тоже дедовская? – Мария Федоровна была рада любым способом досадить ненавистным захватчикам.

– Страстновская из дворовых.

Княгиня жаждала услышать подробный рассказ, но Андрей, подхватив увязанную котомку с пирожками, уже сбежал на задний двор, где Степан налаживал удочки и ждал с нетерпением: рыбалить Степан любил, пожалуй, даже более хозяина.

В ожидании сватов

София сидела в гостиной за своим столиком для рукоделия и мечтательно смотрела в окно. Она только что дочитала роман Вальтера Скотта и мысли ее витали в туманном Альбионе, среди благородных рыцарей и прекрасных принцесс. Взор был устремлен к белоснежным кучевым облакам. Они проплывали по лазоревому небу, приобретая вид разнообразных фигур. София загадала, что если два облачка соединятся (одно было похоже на медвежонка, а другое – на рыбку), а они уже совсем близко друг к другу подошли – то встреча с благородным рыцарем неминуема. Но рыбка подплыла поближе к медвежонку и замерла надолго. София, заскучав, спустилась с небес на землю. На дальнем берегу пруда рыбачили два деревенских мужика, шел к мосткам Серёжа запускать свою самодельную флотилию. Бабы несли белье полоскать. Кухари курили, чирикали воробьи, из кухни, расположенной в правом флигеле доносился звон посуды и ругань истопника. Дом жил своей обычной деревенской жизнью. Через двор к оранжерее пробежала, огненной змейкой Любаша.

«Любаша, – вспомнила София, – мы с нянюшкой хотели ее замуж выдать». И тут же встрепенулась. С треском распахнулись широкие двустворчатые двери, и в гостиную влетел Алексей Иванович, в ажитации размахивая руками и потрясая письмом!

– Софьюшка! Аннушка! К нам едет Аркадий Петрович Воткин! Он мое стихотворение в журнале прочел и лично хочет свое почтение засвидетельствовать!

Анна Леопольдовна, вошедшая следом, поинтересовалась, один ли он прибудет, и Алексей Иванович радостно выпалил, что не один, с сыном, что де давно они уже думали детей свести, познакомить, и поженить.

– Папенька! Как поженить? – взмолилась София. – Вы обещали меня на учебу определить?! И вотще, кто он такой, этот жених? Я не знаю его совсем!

Алексей Иванович был озадачен таким отпором любимой доченьки:

– Да я сам знаю только, что зовут его Аполлон, учится в университете по медицинской части. А вот батюшка его человек отменный, служит Отечеству верой и правдой, и вкус литературный имеет. Опять же, состояние приличное, три поместья, тыща душ.

Анна Леопольдовна изрядно обрадовалась появлению на горизонте первого жениха для дочери, уж очень ей хотелось, чтоб составила Софьюшка хорошую партию, и тут же начала хлопотливо кудахтать:

– А что ж ты заранее не сказал, mein herz, нам и попотчевать гостя нечем. И платья заказанные только на следующей неделе будут готовы. Хорошо хоть, румяны, белилы, из Франции вовремя пришли. Думала, зачем они в деревне а, виш-ты, пригодятся!

– Маменька! Какие румяны! Я не пойду замуж сейчас! Я хочу полюбить человека, прежде чем руку и сердце супругу отдать. Ведь вы же с папенькой по любви поженились, а не по сговору?

Алексей Иванович с умилением глянул на свою половину, приобнял ее за плечи, поцеловал, и, удивительное преобразование произошло в сей секунд с Анной Леопольдовной. Ее прозрачные бесцветно-голубоватые глаза вдруг засияли искрящимися сапфирами на белом, рыхлом, как блин лице, и само лицо вдруг помолодело, окрасившись стыдливым румянцем. Махнув на своего любезного ручкой, и став похожей на юную барышню Анна Леопольдовна, кокетливо помурлыкала, что де «так любил, что бежать предлагал, да она противу воли родительской пойти не могла и настояла на том, чтоб благословление отца получить».

– А так завернул бы я тебя в медвежью шубу и умчал бы в неведомы земли мою прелестную немецкую принцессу! Но не позволили, велели свадьбу отвести, все чин чинарем! – Алексей Иванович ласково поцеловал руку супруге, показывая тем на ее грозный взгляд и насупленные бровки, что де «шутит он, шутит».

София поняла, что маменька и папенька пребывают в благодушном настроении и пошла в атаку.

– Папенька, маменька, а если бы кто-то был влюблен безмерно и жениться надобно бы непременно, вы бы разрешили?

Анна Леопольдовна встревожилась не на шутку, вновь обратившись в хлопотливую курицу – хохлатку.

– Уж часом не влюбилась ли ты в кого без нашего ведома? Кто он? Откуда взялся?

– Ах, оставьте, маменька! Ежели бы появился какой молодой человек, нянюшка вам непременно все в красках расписала. А у меня любви ни к кому нет, а без любви я замуж не пойду! А вот Любаша, наша новенькая, влюблена, и ее бы замуж отдать надобно. Я за нее разрешения всемилостивейшего прошу.

Алексей Иванович был озадачен таким поворотом не менее супруги, от испуга, что дочка без его воли замуж собралась, не сразу понял, что она хлопочет за Любашу какую-то. «Что за Любаша? Крепостная? Дворовая? Так за них Иоганн отвечает. Он управляющий, ему и карты в руки. Он решает, как для хозяйства выгоднее – кого женить, кого в армию, а кого на двор».

Анна Леопольдовна, напротив, сразу поняла, о ком хлопочет ее доченька и резко ответила.

– Любашу не отдам! Она мне в оранжерее нужнее, чем голландский садовник, паче, что ему деньги большие платим, а дворовая девка за еду да красный сарафан работает. За кого это она собралась замуж? За Ивана Дедовского? Она к нему в деревню уйдет? Не отдам! Пусть себе из дворовых кого поищет в женихи!

И как София ни пыталась уломать маменьку, уперлась та, и ни в какую! А еще велела к завтрашней встрече с Воткиными готовиться! Как некстати эти гости!

А в лазорево-синем небе плавало облачко, похожее на упитанного медвежонка, сжимающего в руках трепещущую золотистую, подсвеченную солнышком рыбку. Двор затих, как вымер. И только в дальнем конце пруда у причала сидели два мужика с удочками. Впрочем, они тоже были недвижны, как выписанные маслом в пейзаже какого-нибудь крепостного художника Анатолия Зубова.

Рыбаки на берегу пруда

Андрей со Степаном рыбачили у причала уже несколько часов. Клева не было. Но Андрей этого не замечал. Десять лет минуло с тех пор, как сиживал он с удочкой на этом берегу.

Все вокруг по прежнему: и пруд, подзятый ряской, с кувшинками в дальнем углу, и причал, с игрушечным паромчиком, на котором с трудом умещались два взрослых человека. Для переправы нужно было перебирать руками пеньковый канат, сдирающий кожу на ладонках. Канат был, так же как и прежде протянут к округлому острову, по-прежнему зеленоющему посередине пруда. А в центре этого округлого острова все так же возвышалась округлая же беседка ротонда с белыми колоннами покрытая зеленой жестяной крышей. Только заросли шиповника вокруг стали густыми, непроходимыми, они поднимались от берега прямо к балюстраде и пытались перебраться через перила вовнутрь.

По другую сторону пруда на горке – дом, большой с двумя добротными флигелями: стены лазурного цвета, белые колоны, высокое обширное крыльцо. Из правого флигеля, помнится, доносились какие-то неимоверно аппетитнейшие запахи – там была кухня, и непременно что-то готовилось, жарилось, парилось: пеклись пироги, варилось варенье. И маленькому Андрюше, промявшемуся в игрушечных баталиях с дворовыми мальчишками, всегда попадал на кухне хороший кусок пирога, который он делил по совести с победителями.

А вечером, набегавшись, засыпал Андрюша в своей кровати, и неслышным ангелом приходила в детскую комнату маменька пожелать доброй ночи. Где окно той детской? Второе справа? Похоже, это оно и есть. Какой-то другой мальчишка обитает там и видит себя новым Александром Македонским.

Где тот Андрюша, который мечтал, что совершит геройский подвиг по спасению Отечества, и призовут его во дворец, и Государь погладит его по голове и скажет, что Его Сиятельство Князь Андрей Вильгельмович Мордас являет собой будущее России? Нет того Андрюши. Вместо него сидит на берегу, снедаемый беспокойством и загнанный карточными долгами, поручик уланского полка потомственный дворянин Андрей Мордас, так и не понюхавший настоящего пороха за свою восемнадцатилетнюю жизнь, мечты которого простираются не далее того, как бы половчее вывернуться из последствий очередной буйной холостяцкой заварушки.

А где тот хлебосольный гостеприимный дом с лазоревыми стенами и шумными деревенскими летними празднествами, собирающими всю округу? Нет его! Стоит на горке призрак того дома, запечатанный на призрачный запор. И вход туда Андрею заказан, и живут там злодеи, отнявшие его детство. И дом, и лес и пруд, и причал и ротонда – все принадлежит ненавистному прожорливому семейству, гнусным образом использовавшему бабушкино бедственное положение.

– Барин! Клюет! – оклик Степана вырвал Андрея из плена тяжких раздумий.

Удилище резко дернулось: неведомое и сильное подводное чудовище потянуло вниз в омут. Смутный образ из безоблачного детства промелькнул в ускользящих мыслях Андрея: *водоросли, колыхающиеся в волнах подводного царства, стайка рыбешек, пересекающих снопы света, вертикально разрезающий толщу зеленоватой воды, и льняные волосы русалки, окутывающие волнующимся облаком ее кукольно лицо.*

– Подсекай! Барин! Уйдет! – Степан выхватил удилище из рук замершего столбом Андрея и ловко выловил большого зеркального карпа. Рыбина, сверкнув чешуей и описав круг, шлепнулась на изумрудную траву.

– Вот это рыба! – неожиданная добыча отвлекла Андрея от воспоминаний.

– Смотри-ж ты! Прежний барин в 25-м годе, летом этих карпов в пруд запустил. Сколько лет минуло! А они плодятся! – Степан несказанно обрадовался, впервые увидев нечто знакомое в родных местах, казавшихся ему утраченным раем.

Пока Степан набирал воду в ведро, Андрей смотрел на бьющуюся в траве рыбку, которая судорожно хватала ртом воздух и с каждым шлепком приближалась к вожаемой кромке воды. И он вдруг понял истинное бедствие его удрученного положения: даже эта рыба так страстно рвущаяся жить, которую он поймал своими руками – не принадлежит ему. Когда-то его дед завел этих карпов, но теперь они – Страстновские. И точка.

На круче. Смутные предчувствия

София Алексеевна Страстнова была барышня неглупая, но чувствительная. Поэтому, идучи по круче над берегом пруда, она выговаривала любимой нянюшке накопившуюся обиду на родителей своих, не внявших ни одной ее просьбе. Она прекрасно понимала, что придется подчиниться папенькиной воле, но сердце страстно жаждало жить по своему, своим умом. Нянюшка увещевала свое любимое дитяtko, как всегда уснащая речь всякими присловьями, изобличающими народную мудрость, типа «всяк сверчок знай свой шесток».

– Софьюшка, золотце мое, глянь, красота-то какая! Прямо, чистый рай! – нянюшка попыталась отвлечь Софию от раздражительных мыслей и вернуть в обычное русло благодушного созерцания.

София глянула вниз, увидела у причала фигурку рыбака с удочкой, и как молнией ее прошибло: вдруг захотелось ей рвануть вниз с кручи к тому берегу. Захолонуло сердце и показилось куда-то вниз, вглубь в зеленую пучину омута, *где под корягой устало шевелит усами сом, и зеленая трава осот колышется неслышно течением вод.*

Голова закружилась, и София оперлась на руку нянюшки.

– Что там за мужик сидит? – спросила в смутном предчувствии беды.

В это время из-за кустов появился второй рыбак с ведром воды. Нянюшка стала приглядываться, и показался он чем-то неуловимо знаком. Вот только не разобрать, чем.

– Это не наши, – уверенно сказала она – Ордаевские балуют.

Как омерзительны и жалки показались Софии эти чужие мужики, одетые в нелепые деревенские, наверняка нечистые рубахи, подбедаяющие крохи с их барского стола, разбойничающие в их лесах, подстрекаемые старухой-княгиней, их хозяйкой. И сама княгиня – такая кичливая, и в то же время жалкая, ущемленная бедственным своим положением, и от этого еще более язвительная и заносчивая.

– Нянюшка, пойдй, прогони их поскорее. А то маменька увидит, опять скандал будет.

– А ты как, ягодка моя, головка закружилась опять?

– Ничего, я тут на пенечке присяду, воздухом подышу.

Нянюшка с причитаниями усадила побледневшую Софьюшку на пенек, а сама ринулась вниз к причалу прогнать нагрянувших разбойников, так озаботивших ее деточку. За своих бар нянюшка всегда стояла горой, и могла бы стать знатным полководцем, кабы родилась мужчиной, да в иные времена.

Нечаянная встреча

Степан нагнулся к карпу, чтоб опустить его в ведро, как услышал грозный окрик.

– А ну прочь, разбойники, с нашего пруда! – это нянюшка растрепанным коlobком ска-
тилась с кручи, чтоб немедля навести порядок во вверенном ей участке.

Степан выпрямился, оглянулся и обмер, забыв про карпа.

– Наинушка! – в миг признал он свою возлюбленную, оставленную пятнадцать лет назад,
к ней стремился душой все эти годы.

– Стёпка-растрёпка! – сорвалось с языка детское прозвище, и задохнулась нянюшка,
будто наткнулась на невидимую стену.

– Ты растрёпка! – Степану так захотелось пригладить эти самые прекрасные на свете,
черные как смоль волосы, приласкать свою голубушку.

Нянюшка отвела его руку и сделала шаг в сторону. Перед ней стоял чужой, не старый еще
солдат с бородой соломенного цвета, какой-то ссохшийся, долговязый, нелепый, и вдруг – глаза
родные, Степушкины, крыжовенные. И от этих глаз как будто сниматься стала заскорузлая
шкура чудища неведомого и начал проглядывать ее ненаглядный, такой, каким он его знала
и помнила: высокий, плечистый, сильный, добрый, молодой!

– Степушка! – вдруг нянюшку разом опрокинуло во все те годы, проведенные без него.
Отчаяние, боль, тоска – все что она пережила вдруг разом взорвалось в ее сердце – Где ты
был, окаанный!!!

– Так ить, воевал я, Наинушка! Служил царю и отчету. А как отпустили – к их бла-
городию в денщики определился. – Степан указал в сторону одинокого человека с удочкой
на причале. Вблизи стало понятно, что одет рыбак не по-крестьянски.

– Так это барин, ли чё ли? Старухи княгини внук? – Нянюшка выпрямилась, расправила
плечи, она была женщина не мелкая, основательная, а тут оборотилась в грозный величествен-
ный монумент. – Так это вы с барином на пару нашу рыбу удите?! Пошел прочь!

Степан, оторопев от такого напора, кинулся было к своей любимой Наинушке, но она
оттолкнула его так, что шлепнулся оземь незадачливый любовник прямо на задыхающегося
в траве карпа. Карп от удара обрел второе дыхание, выскользнул и в два шлепка хвостом
добрался до вожденной воды. А ненаглядная и такая недоступная Наинушка пошла гордо
взбираться наверх по круче к дорогой своей Софьюшке, в отчаянии решив, что никогда, нико-
гда она и глазом не взглянет на подлого предателя и изменщика, на столько лет оставившего ее
одну и даже весточки не подавшего. А теперь еще, вместо того, чтоб разыскивать ее по всему
свету, прощенья молить, сидит себе на бережку с удочкой и хозяйскую рыбу браконьерствует!

Морской бой

Нянюшка, пыхтя, взобралась на кручу, и торжествующе провозгласила:

– Уф, прогнала! Мигот отправятся восвояси.

И только открыла рот, чтоб сообщить потрясающую новость, как София ее оборвала:

– Да там помимо нас прогоняльщик нашелся!

Взоры дам обратились вниз к причалу, где разыгралась нешуточная баталия. К причалу от острова, медленно передвигаясь, приблизился перегруженный паром. На нем – ватага деревенских мальчишек, ряженных моряками, под предводительством пятнадцатилетнего капитана. Ребятишки высыпали горохом не берег. Тоненьким кузнечиком величественно сошел с парома капитан, а это был Серёжа, младший брат Софии. Увидев на берегу чужаков, команда распределилась полукольцом, чтоб не дать противнику уйти, прижимая их к берегу. Капитан вышел вперед, что-то произнес, и указал в сторону Охотничьего домика. Один из мужиков начал суетливо кланяться и собирать удочки. Но другой мужик вдруг развернулся, выпрямился и, глядя сверху вниз на тщедушного капитана, процедил сквозь зубы что-то пренебрежительное.

– Ты посмотри, как мужики Ордаевские нагличают! Неужто, Серёжу не признали за барина! Нянюшка! – София хотела было броситься на помощь брату, а нянюшка открыла было рот, чтоб сообщить свою новость, но тут произошло небывалое!

Капитан замахнулся, чтоб дать тумака зарвавшемуся мужику, а этот странный человек, вместо того, чтоб смиренно принять наказание вдруг остановил замахнувшуюся на него руку и отвел ее в сторону. Ребятишки как по команде сорвались дворовыми собачонками, кинулись на защиту хозяина. В одну минуту муравьями облепили двух здоровенных мужиков.

– Ойешеньки! Да что ж такое делается! – выдохнула нянюшка, враз напугавшись, что покалечат ее Стёпушку, а она еще не все ему выговорила.

– Молодец Серёженька, не зря муштровал мальчишек, вот и пригодилось! – с восторгом воскликнула София. – Ату их!

Но тут куча – мала распалась: как-то враз всеоразно разлетелись мальчишки по сторонам, а два богатыря встали, развернулись и двинулись к парому, путь к которому неожиданно оказался открыт. Ошеломленное войско сбилось в стайку. Капитан велел двинуться наперерез. Но не успели. Оставленный без охраны корабль был оккупирован врагами. Самый отважный мальчик запрыгнул на отходящий паром, но был безжалостно скинут в воду. Паром медленно двинулся в сторону острова. И два мужика, находящиеся на нем (один тянул за веревку, другой отталкивался шестом) выглядели подлинными победителями и геройскими хозяевами острова и стоящего на нем замка – беседки в виде ротонды.

София вдруг ощутила ликование, она нежданно обрадовалась, что эти два мужика спаслись, ее пронзила гордость за них, таких отважных, таких сильных, будто они не чужие ей, а самые близкие на свете люди. София обернулась к нянюшке и на ее лице прочла подобные чувства! Они обнялись и замахали руками в направлении острова, пытаясь разглядеть, что там происходит.

Степан сноровисто причаливал к берегу. Андрей, легко прыгнув на траву, глянул на Степана:

– Ловко ты раскидал ребятишек!

– Да и вы, барин, задали перцу мальчикам!

– Жаль, удочки пропали, английские, – Андрей искоса глянул на суетящихся на противоположном берегу мальчишек, они пытались перетянуть паром назад.

– Не, я успел смотать, – Степан показал сложенные аккуратно удочки, которые он умудрился не потерять во время драки. – А вот котомка с пирожками досталась врагу. Куда мы теперь? Кругом вода.

– Знаю я одно место на той стороне, можно вброд перейти. Ребятишки не успеют. – Андрей вспомнил, как мальчиком излазил вдоль и поперек и остров и ротонду и в этот пруд знал наизусть, и опять подумал, что теперь не он здесь хозяин.

Степан все никак не мог успокоиться после заварушки. Взыграло солдатское прошлое.

– Да, мальчонка-то, кудлатый, хорош! Такого тумака мне под дых заехал – едва разо-
гнулся.

– А они неплохо обучены, кто у них капитан? – Андрей торжествовал, но говорил снис-
ходительно, так как понимал, что не велика цена победы над ватагой мальчишек, но все-таки
это – победа!

– Да видно местный барин молодой, из Страстных.

Переговариваясь, довольные неожиданной разминкой Андрей со Степаном отправились
на противоположную сторону острова и скрылись за кустами.

София и нянюшка неотрывно наблюдали за происходящим. Двое мальчишек тянули
от острова паром, перебирая трос. Но двигался он медленно. Еще пара ребят кинулась
по берегу в обход. Тут на кручу взобрался раздосадованный Серёжа. Он искоса глянул
на сестру, как то неловко почесал в затылке и стал тоже наблюдать за происходящим на ост-
рове. Увидев исчезающих за кустами шиповника врагов, досадливо передернул плечами.

– К броду пошли! Уйдут! – вдруг пятнадцатилетний капитан, похожий на очень опрят-
ного, предельно правильного кузнечика, подпрыгнул, нелепо замахал кулачками и схватился
за голову. – Мы же там лодку оставили! Точно уйдут!

Серёжа взглянул на Софию, затем на нянюшку:

– Как же так?! Я все рассчитал, сражение было по плану, как положено. Почему они
ушли?

И вдруг стал совсем маленьким мальчиком, как будто сложился пополам, шмыгнул
носом, уткнулся лицом в грудь любимой нянюшки, чтоб женщины не увидели его слез. Софии
стало так стыдно за ее недавнее ликование. Как она могла радоваться победе чужого мужика,
когда ее родного брата так уязвили?

– Два простых мужика, раскидали полдюжины моих орлов! Я же выстроил окружение
по всем правилам! А они на пароме ушли! А еще этот, наглый мужик на меня руку поднял.
Как он посмел!

Нянюшка обняла Серёженьку, ласково погладила по светлой головке и выпалила, как
отрезала, наконец-то получив возможность высказать ошеломляющую новость.

– Нечего нюни распускать! Не мужик это вовсе был, а барин молодой Ордаевский! А вто-
рой – мой Стёпушка, он пятнадцать лет воевал в солдатах. Теперь денщиком служит. Они
вояки опытные. Это, считай, твое боевое крещение!

Случай произвел на Серёжу, да и на Софью неизгладимое впечатление и долго потом
поминался как курьез в уездных салонах: как внука старой княгини за крестьянина приняли
и как он один шестерых мужиков одним махом раскидал.

Явление жениха

Жизнь в деревне проста. Развлечения незатейливы: прием гостей, поездки к соседям, да воскресная служба, на которую собираются все «на людей посмотреть и себя показать». Церковь в Дедово добротная, поставленная прадедом княгини Марии Федоровны Ордаевской, Михаилом Федоровичем Шарметьевым. Имение это было подарено ему за отменную службу самим государем Петром Великим и обустроивалось на века. Расположена церковь на границе поместья с выходом на Московский тракт, между поворотами к большому дому Страстных и маленькому Охотничьему домику, в полутора верстах от каждого свёртка. Такое положение давало возможность и проезжему путешественнику и Дедовским крестьянам беспрепятственно посещать сей храм, наравне с хозяевами. Но на сегодняшней службе были только свои.

Под звон колоколов, возвещающих окончание обедни, на высокую паперть чинно вышло семейство графа Страстного: сам граф Алексей Иванович, преисполненный важности от свершения таинства, супруга его Анна Леопольдовна, обрядившаяся на этот раз в новомодную мантильку с буфами, которая еще более укрупняла ее тучную фигуру, а также дети их: Сергей и София. Серёжа, старающийся всегда и во всем действовать согласно установленным правилам, выйдя из храма, троекратно перекрестился на образ над главным входом и намеревался спуститься с высокого крыльца. София, напротив, приостановилась. К обедне обещались приехать Петр Александрович Воткин с сыном Аполлоном, которого прочили в женихи Софии. И хотя она категорически не желала замуж выходить, женское любопытство брало верх. Софию одолевали фантазии, каков он, тот уготовленный родителями жених – наверное, великолепный красавец с огненным взглядом и роскошной шевелюрой? Он будет умолять ее отдать руку и сердце, но София будет непреклонна – ей уготован другой путь, путь служения науке, или государыне, или Господу? София пока не знала, и хотела на этот счет посоветоваться с отцом Амвросием, своим духовником.

Как всегда, степенно и чинно вышла из церкви нянюшка, наряженная в отданный ей в прошлом году Анной Леопольдовной салоп, весьма неуместный июльским воскресеньем. Следом за няней кубарем вылетел на паперть дворовый человек Страстных, что было уж совсем неуместно.

Следом в дверях появилась княгиня Мария Федоровна Ордаевская, которая при всей ее subtilности и старческой немощи всегда умела так точно направить удар, и в фигуральном и в физическом смысле, что от виновника летели пух и перья. Демонстративно перекрестившись на образ над дверью, она победительно глянула на Анну Леопольдовну и выговорила ей: «Учить надо дворовых! Чтоб поперед благородных не лезли».

Анна Леопольдовна как-то сразу уменьшилась в размерах, несмотря на пышные фижмы, ее маленькая головка наклонилась набок и, глядя искоса (ну точно аккуратная беленькая курочка хохлатка), не найдя, что сказать, неожиданно выпалила:

– Как добрались до церкви, княгиня, удобно ль?

Мария Федоровна надменно повела бровью, оправила платье и с видом императрицы в изгнании произнесла:

– Великолепно! Пять верст кругом по ухабам. Въездные ворота кто-то велел на замок запереть. Слава Богу, у меня кучер опытный по бездорожью. – Княгиня подняла взгляд к кресту на колокольне и троекратно перекрестилась.

Анна Леопольдовна стушеввалась, еще уменьшилась, и суетливо залопотала:

– И кто это мог быть? Я ничего такого не приказывала, наверное, кто-то из дворовых балует...

Все с интересом ожидали, во что выльется эта перепалка, только Софии не было до того дела, она выглядывала жениха, и увидала, наконец, всадника на гнедом коне. То, что гости

должны были в карете приехать, даже не пришло юной барышне в голову. Она представила себе «прекрасного лыцаря» из нянюшкиных сказок, и уже унеслась в своих фантазиях ввысь в синее безоблачное небо, где одиноко каркала ворона, растревоженная колокольным звоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.